

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУЗБАСС

№ 1—2
(121-122)

Издается с 1949 года

До 1988 года —
«Огни Кузбасса»

ЖУРНАЛ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В НОМЕРЕ

Редакционная
коллегия

Валерий ЗУБАРЕВ

Геннадий ЕМЕЛЬЯНОВ

Иосиф КУРАЛОВ

Владимир МАЗАЕВ

Любовь НИКОНОВА

Виль РУДИН

Зинаида ЧИГАРЕВА
Редактор-составитель

Учредитель —
Кемеровская
областная организация
Союза писателей России

Издательство
«Ковчезек»
1996

К 175-летию Ф. М. Достоевского	3
Валерий Зубарев. Когда себя возлюбит человек. Стихи	4
Зоя Соснина. «Отпусти меня, Русь...» Стихи	8
Владимир Куропатов. Самая высокая работа. Очерк. Вежливая музыка. Дядя Тарас. Родственные натурь. Рассказы	9
Катя Зайцева. Стихи	38
Любовь Никонова. Стихи	39
Елизавета Боргест. Стихи	41
Тамара Рубцова. Стихи	42
Наталья Поляченкова. Стихи	43
Петр Попов. Мать. Рассказ	44
Анатолий Ябров. Ответ. Рассказ	57
Ира Рубина. Стихи	66
Иосиф Куралов. Пир. Поэма. Фрагмент	67
Павел Майский. Стихи	71
Сергей Ковякин. Волшебная сеть. Фантастическая сказка	73
Екатерина Дубро. Рассказочки. Единственная рифма. В зеленом доме. Такие пироги. Праздник. В гостях Маяковский. Бесплатно. С доставкой на дом. Горе. Посланица. Превозмоганье. Для мамы. Собственная АТС. Так. Приглашение на охоту. Гадалка Тамара. Прощение. Расстарался. Мои львы. Срочный заказ. Забота	92

Мэри Кушникова

«БЕЛОЕ ПЯТНО» В БИОГРАФИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В последние годы в публикациях, посвященных «кузнецкому периоду» жизни Достоевского, обычно упоминаются «22 дня», которые в общей сложности провел великий писатель в Кузнецке в 1856—57 гг. Эта версия, похоже, прочно прижилась. Очевидно, 22 дня складываются из трех приездов Достоевского к его избраннице Марии Дмитриевне Исаевой: 2 дня в июне 1856 г., 5 дней—в ноябре того же года и пятнадцать дней в феврале 1857 г. Такие даты упоминает сам Достоевский в своих письмах, что в сущности и составляет 22 дня.

Этот, на первый взгляд, несложный, но, как оказалось, далеко не проясненный подсчет получил прописку и в современном нам историческом краеведении, о чем можно судить хотя бы по недавно вышедшей в Новокузнецке книжке «Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского» А. Шадриной.

Однако при более внимательном рассмотрении уже опубликованных литературных источников возникает ряд вопросов. Перед нами три издания, посвященных творчеству Достоевского. В «Материалах к биографии Ф. М. Достоевского», опубликованных в приложениях к 10-томнику его сочинений в 1958 г., упоминается всего лишь один приезд Достоевского в

Кузнецк. В академическом Полном собрании сочинений—тоже один, причем протяженностью в 24 дня (27 января—19 февраля 1857 г.). А в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», выпущенной в 1993 г. институтом русской литературы Российской Академии наук, мы обнаруживаем, что Достоевский якобы «прибывает в Кузнецк» 5 февраля 1857 г., 6 февраля венчается в Одигитриевской церкви, а всего же приезжал в Кузнецк три раза. Что касается даты отъезда Достоевских из Кузнецка, то в «Летописи» она проставлена более чем приблизительно—«около 15 февраля».

Более того, в той же «Летописи» находим загадочную фразу: «Достоевский с женой проводит в Кузнецке неделю», тогда как в письмах Достоевского к А. Е. Врангелю* от 25 февраля 1857 г. и к В. М. Карепиной* от 23 февраля 1857 г. он сообщает, что «ездил в Кузнецк на 15 дней». Таким образом, остается лишь гадать: возможно, составители «Летописи» это место из писем Достоевского поняли так, что из 15 дней, которые «проездил» писатель, он всего 7 дней провел в Кузнецке, а остальные же дни ушли на дорогу? Или—брал отпуск на 15 дней, а уж сколько пробыл в Кузнецке—кто знает?

«Летопись жизни и творчества

М. Достоевского» — прекрасно аннотированное издание. За каждым юмянутым в ней мало-мальским актом из жизни писателя следует ссылка на авторитетный литературный источник.

Тем более удивительно, что за столь «ожиданными» историко-биографическими выкладками, сократившими бывание Достоевского в Кузнецке на одну неделю, последовали среди нескольких ссылок на книги автора настоящей статьи («Остались в памяти мая», «Кузнецкие дни Федора Достоевского», «Черный человек сочинил Достоевского») также и указания то, что Достоевский якобы прибыл в Кузнецк 5 февраля, то есть буквально накануне венчания (6 февраля).

Излишне напоминать, что точного количества дней, проведенных Достоевским в Кузнецке, в моих работах когда не указывалось, поскольку, как уже сказано, это сложный и до сих пор не вполне проясненный вопрос. По нашему мнению, при подобном разном трактовок, надежнее его считать дни пребывания Достоевского в Кузнецке, исходя из первоисточника, т. е. из его писем, в которых он весьма точно определяет сроки встреч с М. Д. Исаевой.

Почему приходится вновь возвращаться к этой уже ставшей сакральной цифре — 22 дня? Ответ прост: только раз ни доводилось бы перетывать письма Достоевского, в них постоянно обнаруживаются мельчайшие, доселе незаметные оттенки, которые вдруг высвечивают новую загадку и позволяют предположить новую гипотезу, связанную с творчеством и с биографией писателя.

Например, как оказалось, поездка Достоевского в Кузнецк, где он венчался, из Семипалатинска, где он по-прежнему проживал, — вообще цепь заговора. Достоверно известно, опять же грубо из его писем, что выехал он из

Семипалатинска 27 января 1857 г. и через некоторое время по пути в Кузнецк был в Барнауле. Известно также, что здесь Достоевский встретился с выдающимся ученым П. П. Семеновым-Тянь-Шанским*. Но сколько же времени пробыл Достоевский в Барнауле?

В воспоминаниях Семенова-Тянь-Шанского приводятся вовсе фантастические сведения: якобы Достоевский прожил у него «две недели в необходимых приготовлениях к своей свадьбе» и что в эти две недели Достоевский читал ему отрывки из «Записок из Мертвого дома». Но если Достоевский выехал из Семипалатинска 27 января, а пробыл у Семенова-Тянь-Шанского 14 дней, то в Кузнецк он, стало быть, прибыл 10 февраля или около того — тогда как из его писем и из широко известного сегодня «обыска брачного № 17», венчание его с Исаевой* состоялось 6 февраля?

Эту ссылку на воспоминания Семенова-Тянь-Шанского мы приводим намеренно, чтобы еще раз подчеркнуть, сколь мало изучен так называемый «кузнецкий период» Достоевского: в названной выше «Летописи» упомянуто, что сведения, почерпнутые из воспоминаний известного ученого, неточны. Но до недавних пор на них ссылались, об их неточности заговорили совсем недавно. Из более новых данных в «Летописи» читаем, что Достоевский по пути в Кузнецк, выехав из Семипалатинска 27 января, сделал остановку в Змиеве и 4 дня пробыл в Барнауле. В результате, учитывая 1 день на путь в Змиев и остановку в нем, 1 день пути в Барнаул, 4 дня пребывания там и 1 день пути в Кузнецк, получается, что Достоевский должен был прибыть в Кузнецк 1—2 февраля. Это было бы куда правдоподобнее, чем приезд в самый канун свадьбы. Однако в «Летописи» названо 5 февраля, и эта дата, несом-

ненно, войдет в научный обиход, как представленная столь солидным источником.

Но, когда перечитываешь письма Достоевского к Врангелю в смятенный период разлуки с Исаевой, письма, проникнутые—особенно в последний год перед венчанием (1856),—сомнениями, тревогой, отчаянием, вызванными присутствием соперника, Н. Б. Вергунова* в жизни Исаевой, психологически неоправданным кажется, что с 27 января по 1—2 февраля (а тем более—по 5-е) Достоевский, который до последнего мгновения опасался, не уведет ли Вергунов Исаеву из-под венца—психологически недопустимым кажется, что он мог «упустить» 7—9 дней, пребывая то в Змиеве, то в Барнауле, вместо того, чтобы «ринуться» наконец в Кузнецк.

И тогда обратимся еще к одной дате. Мы знаем (о чем упоминается в той же «Летописи»), что 1 февраля подполковник Белихов* пишет из Семипалатинска в Кузнецк письмо священникам с просьбой обвенчать Достоевского с Исаевой. Это тем более странно, что, судя по упомянутым выше датам, приведенным в летописи, Достоевский уже давно в пути. И уже совершенно необъяснимо, почему он, отправляясь венчаться, не взял с собою предусмотрительно тот документ, без которого обвенчать его по существующим в те поры правилам никак не могли...

В противовес—сделаем посыл «от абсурда»—не могло ли статься, что, выехав 27 января из Семипалатинска, он проследовал в Барнаул, вернулся в Семипалатинск, запасся разрешением на брак, причем в Барнауле побывал, возможно, именно в связи с приготовлениями к свадьбе, о конх упоминает Семенов-Тянь-Шанский. Почему бы не купить для невесты свадебный подарок в Барнауле, большом и богатом городе? Но тогда—почему

в своих письмах Достоевский никак не отмечает и не объясняет все эти парадоксальные поступки и обстоятельства?

«Летописи» по сути не могут повседневно и поминутно фиксировать ход человеческой жизни. Бытование человека на грешной земле не являет собою целенаправленный путь к будущей летописи, а потому отнюдь не каждый свой час каждый из нас документирует. Более того, современники, почти как правило, осознают важность, значительность, гениальность писателя, художника, политического деятеля через долголетний период времени. При жизни он просто современник. Воспоминания пишутся «спустя жизнь», когда они изрядно потускнели и, если не подкреплены письмами или дневниковыми записями, могут быть далеко не точны по датам, и даже по сути излагаемых событий (что касается неточности дат, вспомним неточные воспоминания Семенова-Тянь-Шанского с двухнедельным пребыванием у него Достоевского накануне свадьбы).

Так что точная дата приезда Достоевского в Кузнецк перед венчанием в феврале 1857 г., на наш взгляд, более чем загадочна, если ко всему сказанному добавить еще утверждение священника Е. И. Тюменцева*, венчавшего Достоевского с Исаевой, что тот прибыл в Кузнецк даже не в феврале, а в конце января, о чем Тюменцев пишет священнику Голубеву, который обратился к нему за уточнениями по кузнецким дням Достоевского по просьбе Анны Григорьевны Достоевской*.

Не менее загадочна и дата отъезда Достоевского из Кузнецка после венчания. Как уже было сказано, в «Летописи» упоминается «около 15 февраля». Возможно, это и произошло в середине месяца, поскольку 20 февраля Достоевский возвращается в Семи-

латинск с женой, о чем сообщает сугубо А. Е. Врангелю и родственникам. Притом по пути задержался на 4 дня в Барнауле, где у него случился сильнейший припадок эпилепсии. (в «Указателе мест пребывания М. Достоевского с 1832 по 1859 г.» т. 28, кн. 1, академического издания 1985 г.) мы читаем дату **выезда** из Кузнецка 19 февраля, а **прибытия** в Семипалатинск—20 февраля. Таким образом, совершенно утраченными кажутся 4 дня, проведенные в Барнауле.

Все это еще более доказывает, что кузнецкий период Достоевского и по сей день—«белое пятно» и мы не можем, при нынешнем состоянии источников, даже предположительно утверждать, насколько продолжительным он был, кроме как ссылаясь на первоисточник—собственные письма писателя.

Исходя из нового осмысления этого периода, длительность его вообще—вопрос крайне спорный. Действительно ли укладывается связка, соединившая имя писателя с Кузнецком, арифметически точно подсчитанное число дней, проведенных им под сенью кузнецкого деревянного дома, где в Кузнецке жила М. Д. Исаева?

Не трактуем ли мы непозволительно узко этот период на манер школьного краеведческого подхода: в этом доме ночевал тогда-то такой-то...? А как же эпистолярный роман (иначе не назовешь!), связывавший Семипалатинск с Кузнецком—считай Достоевского с Исаевой—в течение двух лет, с 1855 по 1857 г.? Как известно из писем Достоевского к Врангелю, он писал Исаевой в Кузнецк с каждой почтой почти столь же часто получал от нее ответы. Их письма не сохранились. Но содержание их нам, к счастью, известно. Потому что Достоевский почти полностью пересказывал основные

моменты, описанные в них, в своих письмах Врангелю. Не сохранились бы и эти письма, сегодня мы знали бы, возможно, лишь то, что 6 февраля 1857 г. великий русский писатель венчался почему-то в Кузнецке с некой М. Д. Исаевой, с которой прожил недолгие и несчастливые несколько лет. Но письма Достоевского к Врангелю сохранились, как и воспоминания последнего. И это позволяет нам утверждать, что кузнецкий период Достоевского измеряется никак не 22 днями (или 20, или 19), физически проведенными в Кузнецке, а двумя годами, когда сугубо «физически» находясь в Семипалатинске, он мысленно, духовно и эмоционально пребывал рядом со своей избранницей в Кузнецке. «Только бы видеть ее, только бы слышать! Я несчастный сумасшедший! Любовь в таком виде есть болезнь...» «Я как помешанный в полном смысле слова все это время...» «Я бросил все, я ни об чем не думаю, кроме как об ней». Это выдержки из писем Достоевского к Врангелю.

Однако, перечитывая не только упомянутые выше сохранившиеся источники (письма и воспоминания), но и ряд произведений Достоевского, позволю себе сделать, на первый взгляд, самые смелые сопоставления, часто отнюдь не подтверждающие установившиеся воззрения на историю написания того или иного романа, при этом нередко искренне удивляясь: как могли доселе остаться незамеченными многие совершенно очевидные аналогии, не только сами ситуации, но даже способы их изложения в романах и письмах писателя. И это касается отнюдь не только написанных «по-горячему» произведений, как «Дядюшкин сон» или «Село Степанчиково и его обитатели». Хрестоматийно известны отголоски кузнецкого периода в «Униженных и оскорбленных», в «Идиоте», но и в «Преступлении и

наказании». К удивлению, недавно обнаружены вполне очевидные, а порой почти буквальные сколки кузнецкой драмы в «Вечном муже» и в «Записках из подполья».

Но удивительнее всего, что даже в «Бесах» (1870—71), а тем более в «Братьях Карамазовых» (1880—81) мы находим отдаленные отголоски кузнецкого периода Достоевского.

И в том и в другом романе привлекает внимание использование Достоевским излюбленного приема: сохранение имен тех, кто послужил полным или частичным прототипом для его героев. Так, в «Братьях Карамазовых» мы находим не только Зосиму-старца, в большей мере «списанного» с кузнецкого Зосимы*, о коем Достоевский мог узнать, пребывая в Кузнецке, причем в близком знакомстве с нереем Тюменцевым, но и некоторые черты купца Михаила Васильева (зятя Тюменцева) в образе одного из описанных грешников, искавших покаяния, и тоже с сохранением имени «Михаил». После исследования архивных материалов почва для такого предположения кажется вполне устойчивой. В «Бесах» же мы находим странный треугольник имен: Мария (Лебядкина, болезненным чувством связанная с пьющим горькую братом,—Исаева и Исаев?), Николай (Ставрогин, считавший себя виновным в ее смерти и бывший ее «тайным

мужем»), Федька Каторжник (фактический убийца).

Мы ничего не утверждаем. Мы лишь удивляемся. В 1871 г., через четверть века после кузнецких событий, Достоевский умерщвляет несчастную Марию, замученную братом-алкоголиком (Исаев?), возлюбленным (Вергунов?) и, наконец, что очевидно, самое мучительное для писателя,—им самим, Федором, который отбывал каторгу.

Предвидя возможные возражения и обвинения в «местническом патриотизме», рискуем все же предположить—не длился ли «кузнецкий период» Достоевского с 1855 г. до конца его дней, никак не уместаясь в точные цифровые рамки—22 дня.

Свое чувство к Исаевой Достоевский называл «грозым». Этот роман и был подобием обрушившейся на них стихии. Грозы, отголоски которой, как после мощных раскатов грома, отзвучали через четверть века—вместе с кончиной великого писателя.

Но коли период этот столь не изучен—как важно то, что делается сегодня усилиями архивистов и исследователей творчества Достоевского. Немало новых находок ожидает тех, кто, заново перечитывая Достоевского, особенно же его письма, попытается в свете прочитанного опираться на архивные данные, которые накапливаются медленно, но постоянно...

КОММЕНТАРИИ:

К стр. 108

Врангель Александр Егорович, барон (1833—после 1912), дипломат, юрист, археолог. С 1854 г.—областной прокурор в Семипалатинске. Вступив в дружеские отношения с сосланным в Семипалатинск Достоевским, был «поверенным» его «грозым чувства» к М. Д. Исаевой и адресатом многочисленных писем Достоевского. Врангель оставил «Воспоминания о Достоевском в Сибири. 1854—1856».

Каретина Варвара Михайловна, урожденная Достоевская (1822—1893), старшая сестра писателя. Известны семь писем его к сестре (1840—1859), в том числе и с упоминаниями об М. Д. Исаевой.

К стр. 109

Семенов-Тяп-Шанский Петр Петрович, граф (1827—1914), географ, путешественник, позднее руководитель Русского Географического Общества. Встречался с Достоевским в 1856—1857 гг. в Семипалатинске и Барнауле (см.: Достоевский в воспоминаниях. Том I, стр. 201—221).

Исаева Мария Дмитриевна (1824—1864), вдова коллежского ассессора Александра Ивановича Исаева (ум. 1855), первая жена Достоевского, с которой он познакомился в Семипалатинске. После назначения А. И. Исаева на работу в Кузнецк М. Д. проживала здесь до 1857 г., когда, обвенчавшись с Достоевским, последовала с ним в Семипалатинск.

К стр. 110

Вергунов Николай Борисович (1832—1870), кузнецкий учитель, приятель М. Д. Исаевой, дававший уроки рисования ее сыну от первого брака, Павлу. Вергунов оказался соперником Достоевского, но при заключении брака последнего с Исаевой был «поручителем» по жениху (Достоевскому), поставив свою подпись в «Обыске брачном». Последовал за Достоевским в Семипалатинск, где числился учителем с июня 1857 г.

Белихов, подполковник, командир Семипалатинского 7-линейного Сибирского батальона, где Достоевский служил рядовым. Дал письменное разрешение на брак Достоевского с Исаевой.

Тюменцев Евгений Исаакович (1828—1893), священник кузнецкой Одигитриевской церкви, обвенчавший Достоевского с Исаевой 6 февраля 1857 г. По свидетельству В. Ф. Булгакова, Достоевский написал ему письмо-автобиографию.

Достоевская Анна Григорьевна, урожденная Синткина (1846—1918), вторая жена Достоевского, оставившая обширное мемуарное наследие о великом писателе, где в недоброжелательном тоне упоминает М. Д. Исаеву.

К стр. 112

Зосима Тобольский, урожденный Верховский (1767—1833), старец, упоминаемый И. С. Кошуховым в «Кузнецкой летописи», отшельник, основавший обитель под Кузнецком. Предположительно послужил одним из прототипов старца Зосимы в «Братьях Карамазовых».